

Научная статья
УДК 343.81
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-44-49>

Исправительная колония для малолетних преступников в Нижегородской губернии (1878–1917): неизвестные страницы истории

Варенцова Лариса Юрьевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, l_varentsova.65@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена неизвестным страницам истории колонии для малолетних преступников в Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX столетий. Хронологические рамки исследования определяются 26 ноября 1878 года — датой основания колонии — 2 марта 1917 года — временем крушения пенитенциарной системы Российской империи в дни Февральской буржуазной революции. Использовались неопубликованные делопроизводственные документы из фонда 394 «Комитета общества Нижегородской земледельческой исправительной колонии для малолетних преступников, г. Нижний Новгород» Центрального архива Нижегородской области. Важнейшим нормативным правовым актом является «Устав общества Нижегородской земледельческой колонии для малолетних преступников», принятый в 1878 году и определивший цели создания колонии. Среди опубликованных делопроизводственных документов следует особо выделить Отчет по Главному тюремному управлению за 1882 год, дающий представление о месте Нижегородской земледельческой исправительной колонии среди пенитенциарных учреждений для малолетних преступников России конца XIX века. Из дореволюционной периодической печати нами анализировался журнал «Тюремный вестник» — издание Главного тюремного управления. В «Тюремном вестнике» ставились вопросы устройства русских исправительных заведений для малолетних заключенных. К проблеме изучения функционирования Нижегородской исправительной земледельческой колонии обращались отечественные исследователи Ю. Г. Галай [1], С. Ю. Варенцов [2], Л. Ю. Варенцова [3]. Новизна данной статьи определяется введением новых исторических источников в научный оборот. Автор пришел к выводу, что методами перевоспитания несовершеннолетних преступников и бесприютных детей были обучение наукам, ремеслам, обработке земли, приобщение к труду, формирование религиозно-нравственных ценностей. Вводилось семейное воспитание. Опыт земледельческой исправительной колонии в Нижегородской губернии широко пропагандировался не только в Российской империи, но и на международном уровне.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, исправительная колония для малолетних преступников, воспитанники колонии, Комитет колонии, жертвователи

Для цитирования: Варенцова Л. Ю. Исправительная колония для малолетних преступников в Нижегородской губернии (1878–1917): неизвестные страницы истории // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (36). С. 44–49. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-44-49>.

Original article

Correctional colony for juvenile delinquents in Nizhny Novgorod province (1878–1917): unknown pages of history

Larisa Yu. Varentsova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, l_varentsova.65@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the unknown pages of the history of the correctional colony for juvenile delinquents in the Nizhny Novgorod province in the late XIX — early XX centuries. The chronological framework of the study is determined by November 26, 1878 — the date of the colony's foundation — March 2, 1917 — the time of the collapse of the penitentiary system of the Russian Empire during the February bourgeois Revolution. Unpublished office documents from the fund 394 "Committee of the Society of the Nizhny Novgorod Agricultural Correctional Colony for Juvenile Delinquents, Nizhny Novgorod" of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region were used. The most important normative legal act is the "Charter of the Society of the Nizhny Novgorod Agricultural Colony for juvenile delinquents", adopted in 1878 and defined the goals of the colony. Among the published clerical documents, we should highlight the Report on the Main Prison Administration for 1882, which gives an idea of the place of the Nizhny

© Варенцова Л. Ю., 2023

Novgorod agricultural correctional colony among penitentiary institutions for juvenile delinquents in Russia at the end of the XIX century. From the pre-revolutionary periodical press, we analyzed the journal "Prison Bulletin" — the publication of the Main Prison Administration. The "Prison Bulletin" raised questions about the organization of Russian correctional institutions for juvenile prisoners. The problem of studying the functioning of the Nizhny Novgorod correctional agricultural colony was addressed by domestic researchers Yu. G. Galai [1], S. Yu. Varentsov [2], L. Yu. Varentsova [3]. The novelty of this article is determined by the introduction of new historical sources into scientific circulation. The author came to the conclusion that the methods of re-education of juvenile delinquents and homeless children were teaching sciences, crafts, cultivation of the land, introduction to work, the formation of religious and moral values. Family education was introduced. The experience of the agricultural penal colony in the Nizhny Novgorod province was widely promoted not only in the Russian Empire, but also at the international level.

Keywords: Nizhny Novgorod province, correctional colony for juvenile delinquents, inmates of the colony, Colony Committee, donors

For citation: Varentsova L. Yu. Correctional colony for juvenile delinquents in Nizhny Novgorod province (1878–1917): unknown pages of history. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (36), pp. 44–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-44-49>.

В конце XIX — начале XX века, во время проведения тюремной реформы в России ощущалась нехватка пенитенциарных учреждений для малолетних преступников. В Российской империи функционировало 32 исправительных заведения для несовершеннолетних преступников [4, с. 57]. По сведениям Главного тюремного управления за 1882 год существовали два основных вида подобных учреждений: земледельческие колонии и приюты для детей [5, с. 168]. В России действовали Нижегородская, Варшавская, Санкт-Петербургская, Симбирская земледельческие колонии. Число воспитанников в них варьировалось от 25 (в Симбирске) до 118 человек (в Варшаве) [5, с. 168]. Нижегородская земледельческая колония содержала 31 воспитанника, уступая по численности аналогичным учреждениям в Киеве (51 человек), Санкт-Петербурге (97 человек) [5, с. 168]. В конце XIX — начале XX веков нередко число воспитанников исправительной колонии в Нижегородской губернии доходило до 40 человек [6, с. 93]. Были известны детские приюты: Московский (Рукавишниковский), Болшевский (для девочек), Казанский, Ярославский, Харьковский. Детские приюты имели численность: от 5 (г. Харьков) до 63 человек (г. Москва) [5, с. 168]. После принятия «Уголовного уложения 1903 г.» пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних преступников стали называться воспитательно-исправительными [7, с. 28].

Разрешение на открытие колонии было дано Указом Правительствующего Сената от 21 декабря 1866 г. [8, с. 3]. «Устав общества Нижегородской земледельческой колонии для малолетних преступников» утвердил 24 ноября 1877 года министр внутренних дел, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, бывший начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского

Величества канцелярии Александр Егорович Тимашов [9, л. 19]. В 1878 году устав колонии был опубликован. В нем говорилось, что общество будет способствовать улучшению участи юных преступников, сирот, нищих, лишенных возможности вести трудовую жизнь, получить образование или навыки ремесла [8, с. 3]. Основная цель лиц, трудившихся в колонии, заключалась в том, чтобы воспитать «честных, знающих, трудолюбивых работников» [8, с. 13]. В уставе также определялся внутренний порядок, устройство колонии, оговаривались сроки воспитания, способы обучения.

Исправительная колония для малолетних преступников располагалась в Балахнинском уезде Нижегородской губернии, в семи верстах от станции «Орловка» Нижегородско-Московской железной дороги, поблизости от села Гнилицы [2, с. 70]. Статус «земледельческая исправительная колония» напрямую был связан с родом деятельности ее воспитанников. Балахнинской уездной земской управой из Чернорецкой казенной дачи были выделены земли под усадьбу колонии, пахотные угодья, покосы, выгоны для скота, лес первого разряда [10, л. 10].

Согласно «Плану лесного участка и усадебной земли из Чернорецкой казенной дачи Балахнинского лесничества во временное владение колонии до 1917 г.», воспитательно-исправительному заведению было передано близ села Гнилицы, деревень Гавриловка, Петряевка усадебной земли 6 десятин 380 квадратных сажен. В пределах усадебной земли располагались многочисленные жилые и специальные постройки колонии, а также различные хозяйственные объекты. Среди строений особо выделялись: церковь, помещение для воспитанников, училище, квартиры директора, учителей, священника, столовая и сапожная мастерские,

столовая и кухня, баня, карцер, каменный подвал, колодцы, свинарник, птичник, молотильный сарай, овин, керосиновый подвал. По соседству с ними находились пчельник, огород и искусственный пруд [11, л. 1]. К колонии также был отведен участок леса площадью 228 десятин 1 910 квадратных сажен [11, л. 1].

Учредителем выступило «Общество Нижегородской земледельческой колонии для малолетних преступников» [12, л. 16]. Создавалась колония на добровольные пожертвования, членские взносы. Министерство государственных имуществ с высочайшего соизволения императора Александра II в 1876 году передало колонии лесные массивы [12, л. 16].

По уставу колонии определялись почетные и действительные члены общества. Почетные члены вносили значительные пожертвования колонии, не менее 100 рублей [8, с. 4]. Действительные члены обязывались платить ежегодные или единовременные денежные взносы [8, с. 4]. Комитет общества состоял из шести членов [8, с. 7]. Члены комитета ежегодно избирали председателя, его товарища, казначея, секретаря [8, с. 8]. Ежегодно комитет колонии проводил по 16 заседаний [13, с. 540].

Особое внимание комитет колонии уделял состоянию построек колонии, выделял обветшавшие от времени, поврежденные или уничтоженные пожарами, нуждавшиеся в ремонте, ставил вопрос о необходимых денежных средствах на строительство или реконструкцию. Например, комитет колонии в 1897 году обратился в Министерство финансов Российской империи по поводу уступки в пользу колонии здания международной гостиницы на территории XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. Министерство финансов дало согласие на уступку двух корпусов гостиницы «Африка» и «Европа», которые были проданы комитетом колонии за 1 250 рублей [13, с. 540]. Другим вопросом было изыскание средств на содержание воспитанников колонии. 26 декабря 1897 года в Нижнем Новгороде комитет колонии организовал танцевальный вечер с лотерей, средства от которого в размере 2 000 рублей были переданы исправительному заведению [13, с. 540].

В состав персонала колонии входили два учителя-воспитателя, директор, два «дядьки» — надзирателя. В среднем, на каждого работавшего человека в колонии приходилось по девять воспитанников [6, с. 93]. Известны имена представителей администрации исправительной колонии для несовершеннолетних преступников в

1911 году Василий Иванович Виноградов — выпускник духовной семинарии, бывший народный учитель в селе Дуденево Горбатовского уезда Нижегородской губернии, автор восьми научных трудов — стал директором колонии. Он имел годовое жалование в 900 рублей, готовую квартиру, отопление, освещение, право пользоваться всеми продуктами, изготовлявшимися в колонии [12, л. 16 об.]. Учителем в колонии трудился Семен Иванович Апенченко — бывший выпускник Полоцкой учительской семинарии, ранее преподававший в Витебской губернии. В колонии он получал годовой оклад в 300 рублей, служебную квартиру, бесплатное освещение и отопление, мог пользоваться продуктами, вырабатывавшимися в колонии [12, л. 16 об.]. Священником церкви в колонии для малолетних преступников был Константин Евграфович Цветков, имевший за плечами 45-летний стаж пастырского служения в различных приходах, награжденный орденом святой Анны третьей степени, бриллиантовым наперсным крестом (подарок прихожан). Ему выделялся денежный оклад в 180 рублей в год, предоставлялись готовая квартира на территории колонии, бесплатное отопление и освещение, давалось право питаться в столовой учреждения [12, л. 16 об.]. Доктор Христофор Александрович Рюриков был пожалован окладом в 100 рублей в год за еженедельные визиты в колонию [12, л. 17]. Судя по этим кратким характеристикам, для работы с трудными подростками были подобраны профессионалы, опытные специалисты.

В колонии трудились два мастера: мастер столярного дела — бывший воспитанник колонии Александр Федорович Балашиткин, а также сапожный мастер Давид Захаров. Оба получали годовое жалование по 300 рублей, право пользоваться готовыми квартирами, бесплатным освещением и отоплением [12, л. 17]. В сапожной мастерской изготавливались сапоги, полусапоги, калоши, подметки [12, л. 20 об.], в столярной мастерской вырабатывались фанерованные шкатулки, кровати, дубовые табуретки, рамки для чертежей и фотографий, конторские счеты, двухместные парты, чайные столы [12, л. 20 об. — 21]. Заметим, что перечисленные виды продукции мастерских Нижегородской земледельческой исправительной колонии демонстрировалась на выставке, организованной на Международном тюремном конгрессе в Санкт-Петербурге в 1890 году [12, л. 20 об.].

В колонии трудились два «дядьки» — смотрителя. Первый из них — Диомид Максимов — бывший военный ветеринарный фельдшер,

получал годовое жалование 162 рубля, пользовался продовольствием из столовой. Параллельно с функциями «дядьки» он совмещал работу ключника [12, л. 17]. Второй из них — Иван Дмитриев — до поступления в колонию был старшим военным телеграфистом унтер-офицерского звания. За свое служение в учреждении И. Дмитриев получал годовой оклад 120 рублей, а также довольствовался готовыми продуктами из столовой [12, л. 17].

Воспитанники в зависимости от возраста делились на две «семьи», возглавлявшиеся «дядьками» — ближайшими воспитателями ребят, руководителями всех работ в колонии. Первая «семья» включала лиц до 14 лет, вторая — более старших воспитанников, относившихся к возрастной категории от 16 до 18 лет. Вместе с «дядькой» воспитанники отправлялись по субботам в баню. «Дядьки» следили за гигиеной воспитанников, за ежедневными умываниями. В «семье» всегда имелись мыло, зеркальце, гребешок [12, л. 17]. «Дядьки» обеспечивали соблюдение чистоты в общежитии, организовывали уборки помещений, мытье полов, дежурство по кухне. Дежурный воспитанник, как правило, носил пояс с медной бляхой, имевшей надпись: «Послан по делу колонии» [12, л. 20].

Воспитанники были одеты в особую форму. В комплект их одежды входили: рубаха, порты, ремень, парусиновый фартук, суконная куртка, сапоги или валенки. Каждому воспитаннику выдавались постельные принадлежности: матрас, подушка, две наволочки, простынь, одеяло, изготовленное из армейского сукна [12, л. 19].

Ежедневный рацион питания воспитанников предполагал наличие следующих продуктов: свежей или соленой говядины, масла, пшена или других круп, картофеля, молока, сахара, капусты, лука, чая. В постные дни полагалось кормить юных заключенных горохом, пшеном, картофелем, постным маслом, сахаром, икрой леща. В двенадцатые праздники за утренним и вечерним чаем, воспитанники колонии получали белый хлеб. В скоромные дни белого хлеба выдавали воспитаннику по 1 фунту (0,4 кг — **Л. В.**), а в постные — по 0,5 фунта (0,2 кг) [12, л. 19].

Школа в колонии работала по программе народных училищ, находилась в ведении училищной инспекции. В дни православных праздников воспитанники посещали богослужения в церкви колонии, многие из них пели в церковном хоре. В обычные дни совершались ежедневные утренние и вечерние молитвы в присутствии священника.

Путем пожертвований была сформирована библиотека колонии, которая состояла из лучших

детских книг и журналов. В ней насчитывалось 185 книг религиозного содержания, 756 — научно-популярного, 70 — исторического [12, л. 18]. Силами преподавателей, благотворителей и воспитанников колонии был создан небольшой школьный музей. В целях организации воспитательных мероприятий проводились лекции и беседы, при этом использовались световые картинки, так называвшийся «волшебный фонарь» [13, с. 541].

Образовательный процесс в Нижегородской земледельческой исправительной колонии чередовался с сельскохозяйственными работами [9, л. 20]. Воспитанники под руководством опытных специалистов возделывали огород, сажали фруктовые деревья, занимались посадкой вяза и липы в древесном питомнике, пчеловодством, разбивали цветники, заготавливали сено, трудились на скотном дворе. Воспитаннику колонии разрешалось иметь в собственности книги, игры, письменные принадлежности, одежду, инструменты. Ему позволяли иметь «свой» небольшой участок земли, сажать на нем овощи, цветы, деревья, ухаживать за «своим» животным [13, с. 541]. В зимнее время воспитанники параллельно с учебной осваивали столярное и сапожное ремесло.

Праздником для воспитанников колонии были поездки в губернский центр — в город Нижний Новгород, чтобы посетить Всероссийскую ярмарку или театр. Каждый воспитанник знал, что при наличии хорошего поведения он имеет право получить отпуск, поехать из колонии к родным. Если воспитанник колонии еще имел успехи в овладении ремеслом, то он получал условное досрочное освобождение [13, с. 541].

Приведем пример конкретной судьбы воспитанника Нижегородской земледельческой исправительной колонии. В 1912 году к председателю комитета Нижегородской земледельческой исправительной колонии — прокурору Нижегородского окружного суда обратилась крестьянка М. И. Смирнова, проживавшая в Нижнем Новгороде, по набережной р. Оки, в доме Андреева. М. И. Смирнова не только положила в своем прошении о том, каким образом ее сын оказался в колонии, но и дала оценку четырехлетнего пребывания ее ребенка в Нижегородской земледельческой исправительной колонии [10, л. 1]. «4 апреля сего года [1912 г. — **Л. В.**] четыре года с того дня, как по приговору нижегородского мирового судьи, сын мой Николай Смирнов приговорен был 4 апреля 1908 года к помещению в земледельческую колонию — впредь до его исправления. Тогда моему сыну было неполных 13 лет.

Приговор этот состоялся по моей просьбе. Незадолго до того времени, когда это случилось, у меня был убит муж мой. Я осталась с пятью малолетними детьми, и мне трудно было справиться с мальчиком. И вот, чтобы дать ему приют и воспитание, я вынуждена была тогда пойти на то, на что в другое время ни одна мать не решится: я сама просила о помещении в колонию за проданные им мои платки на лакомства.

Но в течение всех этих четырех лет пребывания моего сына в колонии, я постоянно наблюдала за ним, да и он часто навещал меня. И вот этот длинный опыт убедил меня, что сын мой, во-первых, совсем изменился, в нравственном отношении сделался безупречным и ко мне, матери, почтительным; во-вторых, в течение этих долгих лет он получил в колонии достаточное образование и сверх сего изучил некоторые ремесла. А потому я ныне решила взять его обратно из колонии в свое семейство...» [10, л. 1].

На основании этого письма можно сделать вывод, что колонию пополняли выходцы из неблагополучных многодетных семей, рано вставшие на путь порока и преступления. Они провели детство в самых неблагоприятных условиях, имели порочные наклонности, многие из них были недоразвиты умственно и физически.

По социальному происхождению воспитанники колонии в большей степени были выходцами из крестьян. Лица крестьянского происхождения в колонии преобладали над мещанами, цеховыми. Рецидив в колонии достигал 40 %, если считать лиц, которые после освобождения совершали не менее трех преступлений [14, с. 51]. Из каждых десяти воспитанников колонии шесть были осуждены впервые, три — во второй раз, один — более двух раз [14, с. 53]. Средняя статистическая продолжительность пребывания воспитанника в стенах колонии не превышала трех лет.

Воспитатели обращали внимание на искоренение у подопечных «наследия» прошлого — влечения к спиртным напиткам, курению, картежным играм [15, с. 174]. В колонии исключались телесные наказания. Карцерное сидение заменялось личным надзором, с большим или меньшим ограничением свободы, без лишения пищи [15, с. 175].

Известно, бороться с пороками и преступностью среди детей и подростков помогали передовые представители общественности Нижнего Новгорода, некоторые из них стали благотворителями Нижегородской земледельческой исправительной колонии. Известный нижегородский купец и промышленник, Почетный член Совета Нижегородской земледельческой колонии

И. М. Рукавишников (1848–1906) был одним из известных жертвователей учреждения. Особую заботу он проявлял о церкви колонии. Только в 1899 году он пожертвовал на благолепие церкви 1 300 рублей [14, с. 53].

В 1898 году на возведение каменного двухэтажного здания общежития для воспитанников колонии 2 000 рублей выделил «почетный попечитель колонии» И. М. Рукавишников [15, с. 176]. Супруга нижегородского купца А. И. Стрепетова и ее сестра В. И. Топоркова передали колонии более 7 000 рублей. Нижегородский купец М. Ф. Сухарев завещал колонии передать после своей смерти 3 000 рублей [15, с. 176].

Сбор пожертвований для воспитанников колонии традиционно проводился в канун двенадцатых праздников. Средства могли собираться для улучшения пасхального стола [12, л. 3], на устройство елки и покупку подарков к Рождеству Христову [12, л. 7]. В благотворительных акциях в пользу колонии принимали участие промышленники и финансисты Нижнего Новгорода: управляющие нижегородских отделений «Государственного банка» [12, л. 1], «Волжско-Камского коммерческого банка» [12, л. 17], «Русского торгово-промышленного банка» [12, л. 12], директор «Сормовских заводов» [12, л. 8].

Таким образом, исправительная колония для малолетних преступников в Нижегородской губернии считалась одной из лучших в России в конце XIX — начале XX столетий. Она состояла под высочайшим покровительством императора, поддерживалась представителями общественности, равнодушными к судьбам несчастных детей и подростков. Исправительная колония спонсировалась многими именитыми благотворителями — известными нижегородскими купцами, руководителями банков, директорами предприятий. Ее опыт пропагандировался на Международном тюремном конгрессе в Санкт-Петербурге в 1890 году. Приобщение воспитанников колонии к сельскохозяйственному труду, ремеслам, семейным ценностям, православной религии, истории и культуре давало свои великолепные результаты.

Список источников

1. Галай Ю. Г. Нижегородская земледельческая исправительная колония малолетних // Записки краеведов. Вып. 14. (сост. О. А. Рябов). Нижний Новгород, 2013. С. 3–15.
2. Варенцов С. Ю. Тюремные учреждения Нижегородской губернии в составе пенитенциарной системы России в 1879–1917 гг.: монография. Нижний Новгород, 2019. 216 с.
3. Варенцова Л. Ю., Варенцов С. Ю. Нижегородская земледельческая исправительная колония в со-

стае пенитенциарных учреждений Российской империи последней четверти XIX — начала XX века // Вопросы исторического и экологического регионоведения: сборник статей участников I Региональной научно-практической конференции (11 февраля 2021 г.) / отв. ред. В. И. Грубов; научн. ред. А. А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ; ГАНУ, г. Арзамас; ИХМ г. Арзамаса; ЦБС г. Арзамаса. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. С. 61–70.

4. Красовский М. Основные вопросы устройства русских исправительных заведений для малолетних // Тюремный вестник (далее — ТВ). 1899. № 2. С. 55–87.

5. Отчет по Главному тюремному управлению за 1882 г. Санкт-Петербург: Изд. ГТУ, 1884. 215 с.

6. Красовский М. Основные вопросы устройства русских исправительных заведений для малолетних // ТВ. 1900. № 2. С. 80–106.

7. Кашуба Ю. А. Учреждения для содержания несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4 (79). С. 25–30.

8. Устав общества Нижегородской земледельческой колонии для малолетних преступников. Нижний Новгород, 1878. 14 с.

9. Центральный архив Нижегородской области (далее — ЦАНО). Ф. 394. Оп. 1956. Д. 8-а.

10. ЦАНО. Ф. 394. Оп. 1956. Д. 19.

11. ЦАНО. Ф. 394. Оп. 1956. Д. 18-а.

12. ЦАНО. Ф. 394. Оп. 1956. Д. 17.

13. Исправительные заведения для несовершеннолетних. Отчет Нижегородской земледельческой исправительной колонии за 1897 год // ТВ. 1899. № 12. С. 539–543.

14. Малинин Ф. Отчет Нижегородской земледельческой исправительной колонии за 1899 год // Тюремный вестник. 1903. № 1. С. 50–54.

15. Дриль Д. Нижегородская исправительно-воспитательная колония в 1898 г. // Тюремный вестник. 1900. № 3. С. 172–177.

References

1. Galai Yu. G. Nizhny Novgorod agricultural correctional colony of minors // Notes of local historians. Issue 14. (Comp. O.A. Ryabov). Nizhny Novgorod, 2013. pp. 3–15. (In Russ.)

2. Varentsov S. Y. Prison institutions of the Nizhny Novgorod province as part of the penitentiary system of Russia in 1879–1917: monograph. Nizhny Novgorod, 2019. 216 p. (In Russ.)

3. Varentsova L. Yu., Varentsov S. Yu. Nizhny Novgorod agricultural correctional colony as part of penitentiary institutions of the Russian Empire of the last quarter of the XIX — early XX century. Questions of historical and ecological regional studies. Collection of articles by participants of the I Regional Scientific and Practical Conference (February 11, 2021) / ed. by V. I. Grubov; scient. ed. by A. A. Isakov; Arzamas branch of UNN; GANO, Arzamas; IHM of Arzamas; CBS of Arzamas. Arzamas: Arzamas branch of UNN Publ., 2021. Pp. 61–70. (In Russ.)

4. Krasovsky M. The main issues of the device of Russian correctional institutions for minors. *Prison Bulletin (hereinafter — TV)*, 1899, no. 2, pp. 55–87.

5. Report on the Main Prison Administration for 1882. Edition of the State Technical University. St. Petersburg, 1884. 215 p. (In Russ.)

6. Krasovsky M. The main issues of the device of Russian correctional institutions for minors. *TV*, 1900, no. 2, pp. 80–106. (In Russ.)

7. Kashuba Yu.A. Institutions for the detention of juvenile offenders in the Russian Empire. *Man: crime and punishment*, 2012, no. 4 (79), pp. 25–30. (In Russ.)

8. The Charter of the society of the Nizhny Novgorod agricultural colony for juvenile delinquents. Nizhny Novgorod, 1878. 14 p. (In Russ.)

9. Central Archive of the Nizhny Novgorod region (hereinafter — TSANO). F. 394. Op. 1956. D. 8-a. (In Russ.)

10. TSANO. F. 394. Op. 1956. D. 19. (In Russ.)

11. TSANO. F. 394. Op. 1956. D. 18-a. (In Russ.)

12. TSANO. F. 394. Op. 1956. D. 17. (In Russ.)

13. Correctional institutions for minors. Report of the Nizhny Novgorod agricultural penal colony for 1897. *TV*, 1899, no. 12, pp. 539–543. (In Russ.)

14. Malinin F. Report of the Nizhny Novgorod Agricultural Penal Colony for 1899. *Prison Bulletin*, 1903, no. 1, pp. 50–54. (In Russ.)

15. Drill D. Nizhny Novgorod correctional and educational colony in 1898. *Prison Bulletin*, 1900, no. 3, pp. 172–177. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. Ю. Варенцова — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

L. Yu. Varentsova — Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 15.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 15.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.